

ЦЕЛИ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
//Ученые записки Юридического института Красноярского государственного университета. Вып. 2 /Отв. ред. Т.В. Сахнова. – Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2003. С. 439-457.

Барабаш А.С.,
к.ю.н., доцент кафедры уголовного
процесса Красноярского госуниверситета

Без цели не существует человеческой деятельности, она тот ориентир, который делает последнюю осмысленной. Цель, положенная в деятельность, является внутренним механизмом ее развития во времени, критерием, с помощью которого деятель в каждый момент может фиксировать свое положение относительно стоящей перед ним цели и принимать меры для коррекции деятельности. Несмотря на столь важное значение цели для деятельности законодатель как раньше, так и теперь обходит ее молчанием, в новом уголовно-процессуальном кодексе он отказался даже от формулирования задач уголовного судопроизводства. В силу, каких причин это произошло остается только догадываться, возможно, потому, что он не смог для себя решить спор о наполнении содержанием понятий «цели» и «задачи» уголовного процесса. Полагаем, что неиспользование этих понятий обедняет не только правоприменительную деятельность, но и теорию. Поэтому мы считаем, необходимым определить свою позицию по вопросу о том, что следует понимать под целями деятельности и задачами. Ведя поиск целей уголовно-процессуальной деятельности, мы будем отправляться от понимания того, в чем состоит назначение уголовного судопроизводства. Наша задача облегчается тем, что в новом уголовно-процессуальном кодексе законодатель в ст. 6 отражает свое представление о назначении уголовного судопроизводства. Проведя анализ текста статьи с позиций социальных ожиданий, мы приходим к выводу о том, что он не в полной мере их отражает, и предлагаем свою редакцию этой статьи:

1. Уголовное судопроизводство имеет своим назначением:
 - 1) создание условий для защиты материальных прав и законных интересов как лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и лиц, совершивших эти преступления;
 - 2) создание условий для формирования в последующем у лица, совершившего преступление чувства ответственности.
2. Назначение уголовного судопроизводства заключается так же в том, что:
 - а) оно используется как средство реагирования на каждый факт совершенного преступления, средство его раскрытия и судебного рассмотрения;
 - б) и как средство защиты граждан от произвола органов государства при осуществлении последними уголовно-процессуальной деятельности.¹

Выявленные назначения позволяют определить место уголовно-процессуальной деятельности в социальной жизни общества и государства. Оправдание существования уголовного процесса заключается в соответствии результата уголовно-процессуальной деятельности и самой деятельности тем ожиданиям, которые с ним связаны. Отфиксированное в сознании понимание назначений уголовного судопроизводства отражает мировоззренческую установку, с которой деятель подходит к реализации деятельности. Его подход может совпадать с тем, что ждет от него общество, но может и вступить в противоречие с этими ожиданиями. Последнее крайне нежелательно. Для исключения возможного самоуправства и произвола в деятельности исполнителя, для того, чтобы добиться единого подхода к деятельности у всех субъектов и следовало отфиксировать в законе тот

результат, к которому должны стремиться органы, чтобы реализовать назначение уголовного судопроизводства. Ясно, что назначение деятельности и цели деятельности - несовпадающие по объему понятия. В этом убеждает простая иллюстрация: назначение нам говорит - для чего нужна деятельность, цель, - что ожидается в результате деятельности. Но в тоже время, содержание конкретных целей деятельности обусловлено назначением ее, и конструировать их нужно исходя из понимания этого.

В уголовно-процессуальной литературе уже давно ведутся споры о том, что является целью уголовно-процессуальной деятельности. Можно выделить подход, в силу которого цель и задача в уголовном процессе не разграничивались и рассматривались как равноценные.² В рамках другого - между ними проводилось четкое различие.³ Самым же интересным является то, что, не смотря на различие в позициях, которых придерживались разные авторы, они исходят из одной методологической базы, из тех определений целей и задач, которые они находят в философских, психологических и лингвистических источниках. В обобщенном виде главные моменты этих определений можно представить следующим образом: цель - это предвосхищение в сознании результата определенной деятельности.⁴ Применительно к этой стороне цели Гегель писал, что «в лице цели мы имеем содержание, которое известно уже заранее».⁵ Цель - это предмет устремлений, то, что является желаемым для субъекта деятельности.⁶ При определении понятия «задача» используются в основном словари русского языка, в которых она раскрывается как «проблема, требующая исполнения, разрешения, исследования»⁷. Приведенное выше понимание целей и задач выливается в уголовно-процессуальной литературе в следующие утверждения: задача - это то, что требует исполнения, разрешения, а цель - это то, к чему стремятся, что надо осуществить.⁸ Указанное соотношение не позволяет увидеть содержательного различия этих понятий. Ведь цель - это не только то, к чему стремятся, но также и то, что требует исполнения, решения или, иными словами, воплощения. Теперь становится понятным, что отождествление в уголовно процессуальной литературе понятий «цели» и «задачи» своим основанием имеет не наполненность понятия «задачи» собственным только ему содержанием. Разводить эти понятия по степени конкретности, когда задача - это нечто более конкретное, чем цель, как это предлагают отдельные авторы,⁹ вряд ли правильно, т.к. конкретность формулирования задачи в первую очередь определяется конкретностью стоящей цели. От цели перейти к результату можно только решая задачу, в ходе ее решения цель объективируется, «обретает не новое одностороннее определение, а лишь свою реализацию».¹⁰ Цель присутствует во всем, что ее реализует, она важнейший компонент задачи, но в содержании задачи кроме цели входят и другие элементы, общая совокупность которых позволяет говорить о задаче. Это и условия, и набор регламентируемых действий, ведущих к цели, регламентируется этот набор с учетом средств и способов, пригодных для решения задачи. Приведенное - это не определение понятия «задача», это то содержание, которое соответствует данному понятию. Если раньше содержание понятия «задача» не отличалось от содержания понятия «цель», то в нашем случае у каждого из них появилось свое содержание, а это, в свою очередь, позволяет очень точно встроить каждое из этих понятий в структуру уголовно-процессуальной деятельности.

Уже сказанное позволяет, в определенной мере, утверждать, что именно цель определяет сущность деятельности. Важность ее для человека позволила И.П. Павлову говорить о рефлексе цели: «Рефлекс цели имеет огромное жизненное значение, он есть основная форма жизненной энергии каждого из нас. Вся жизнь, все ее улучшения, вся ее культура делается рефлексом цели, делается только людьми, стремящимися к той или другой поставленной цели... Наоборот, жизнь перестает привязывать к себе, как только исчезает цель».¹¹ Цель служит тем мостиком, по которому человек переносит себя из настоящего в будущее, сначала мысленно, а потом в деятельности.

Отказ законодателя от формулирования целей уголовно-процессуальной деятельности ставит под сомнение возможность реализации в каждом случае расследования и рассмотрения уголовных дел того назначения, которое необходимо и желательно для общества. Уголовно-процессуальное законодательство задает определенные рамки деятельности для органов и лиц, вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства. Эти пределы не должны устанавливаться спонтанно, их формирование должно быть подчинено целям, учитывающим интересы входящих во взаимодействие, таким образом формируется определенный масштаб поведения, применительно к которому только и возможно оценивать успешность или неуспешность того или иного рода действий. Четко прописанная цель позволяет субъекту деятельности вести работу планомерно, каждый раз, соотнося результат с тем, что необходимо выполнить и в этом аспекте цель является тем, что обуславливает движение деятельности, задает ее границы и служит критерием оценки эффективности деятельности. Цель является промежуточным звеном между назначением и деятельностью. В силу этого, формулируя цель, мы должны избежать опасности, кроющейся в соподчинении целей и назначений уголовного судопроизводства, в силу которого цель более высокого уровня можно ошибочно принять за цель уголовно-процессуальной деятельности.¹² Учитывая важность для деятельности определения целей ее, необходимо за законодателя проделать его работу и предложить те цели, реализация которых будет соответствовать назначению уголовного судопроизводства.

В предшествующий период развития науки уголовного процесса авторы, занимающиеся рассматриваемой проблематикой, видели цель уголовного процесса или в истине, или находили ее содержание при анализе ст. 2 УПК РСФСР, которая называлась «Задачи уголовного судопроизводства» и состояла из двух частей. Возможно, наработанное тогда пригодно и сейчас для формирования целей уголовно-процессуальной деятельности. В-первых, разберемся в вопросе о том, можно ли в качестве цели рассматривать достижение истины.

Практически в уголовно-процессуальной литературе современного периода общепризнанно, что целью уголовного процесса или уголовно-процессуального доказывания является достижение истины.¹³ Она является одновременно целью и процесса и уголовно-процессуального доказывания в силу того, что «доказывание - центральный стержневой процесс всей уголовно-процессуальной деятельности, неотъемлемое свойство всего уголовного процесса. Поэтому цель доказывания не может в то же время не быть и целью уголовного процесса».¹⁴

Под истиной в большинстве случаев понимают точное соответствие наших знаний действительности. Именно этот момент подчеркивал М.С. Строгович, когда писал, что «Истина состоит в полном и точном соответствии действительности выводов следствия и суда об обстоятельствах рассматриваемого уголовного дела, о виновности или невиновности привлеченных к уголовной ответственности лиц.»¹⁵ Он, как и другие теоретики, давая понимание истины в уголовном процессе, отпирался от того, какое содержание в нее вкладывалось в марксистско-ленинской философии. Это содержание переносилось в процесс адекватно, без критики.¹⁶ За примером далеко ходить не надо, достаточно обратиться к тексту фундаментальной работы по теории доказательств. Вот что мы там находим: «Под объективной истиной марксистская философия понимает такое содержание человеческих знаний, которое правильно отражает объективную действительность и не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества».¹⁷ После прочтения возникает вопрос, а от кого же тогда зависит это знание, как может человеческое знание не зависеть от него, что оно дается ему в готовом виде кем-то потусторонним.

Можно ли применительно к знаниям, которые мы обозначаем как истинные, говорить о том, что они точно соответствуют действительности? Любому исследованию присуща неустранимая зависимость от субъекта, его личности, индивидуального опыта и

многого другого. Вот как об этом в свое время писал М. Монтень: «Восприятие сторонних предметов зависит от нашего усмотрения, ... Ведь, если бы мы воспринимали вещи, не изменяя их, если бы человек способен был устанавливать истину своими собственными средствами, то, поскольку эти средства присущи всем людям, истина переходила бы из рук в руки, от одного к другому... тот факт, что нет ни одного положения, которое не оспаривали бы или которое нельзя было бы оспаривать, как нельзя лучше доказывает, что наш природный разум познает вещи недостаточно ясно, ...»¹⁸ Приведенная характеристика не утратила свое значение и в наше время: окружающий мир не стал проще, а наоборот усложнился, да и природа человека не изменилась. Точное соответствие наших знаний действительности в каждый конкретный момент невозможно, жизнь динамична, ничто не остается неизменным. Говоря о точном соответствии наших знаний действительности, мы пытаемся остановить ее развитие, но это не в нашей власти. В лучшем случае мы констатируем то, что было, а не то, что уже есть. Но даже применительно к прошлому, каким бы оно не казалось нам простым, если мы ответственны, мы не можем утверждать, что наши знания точно соответствуют действительности, т.к. это означает подмену действительности нашими представлениями о ней. Любое локальное явление связано многими связями и отношениями с другими.¹⁹ Человек, обращаясь к познанию его, исходя из своих целей, обращает внимание на определенные связи и отношения, причем, выбор их зависит не только от целей человека, но и от того набора инструментальных средств, которыми он обладает, в первую очередь речь идет о понятиях, которые, в свою очередь, определяют цели человека. Человек воспринимает мир через понятия, которые сформированы у него окружением, в свою очередь, члены этого окружения получили их от своего. И каждое понятие является результатом множества взаимодействий между людьми, заинтересованными в освоении того или иного участка действительности. При столкновении на нем, если каждый из них будет отстаивать истинность своего понятия, то это будет похоже на разговор слепого с глухим. Никто из нас не владеет совершенным понятием, поэтому никто не имеет права претендовать на истину, как точное соответствие знаний действительности. Совершенным понятие не может быть в силу того, что между любым понятием и той действительностью, которую отражает это понятие, всегда есть зазор. Именно это частичное несоответствие и побуждает к работе по уточнению понятия. Результат этой работы, с одной стороны, снимает несоответствие, которое было предметом работы, с другой – обнаруживает новое. Как неисчерпаема действительность, так и бесконечна работа по уточнению содержания понятия. Наглядный тому пример - проблема истины в философии. Философы уже не одно тысячелетие бьются над ней, по тем результатам, которых они достигли, можно судить, что проблема будет существовать столько времени, сколько отпущено человечеству. Возможно, именно отсутствие позитивных результатов вызвало глубокий скептицизм у ряда современных философов, которые в настоящее время считают, что вопрос истины относится к числу неразрешимых «метафизических» проблем, которые современная философия давно уже рассматривает как устаревшие и принципиально неразрешимые.²⁰

При всех расхождениях в определении истины общим является выделение оценочного момента применительно к тем знаниям, которые доступны человеку. Наглядно это представлено суждениями Гоббса и Гегеля. Томас Гоббс истину считал свойством «наших суждений о вещах, а ни в коем случае не тем, что принадлежит самим объектам».²¹ Согласно Гегелю, «надо отказаться от распространенной трактовки истины как точного соответствия нашего представления предмету, - в высшем и философском смысле, напротив, истина в своем абстрактном выражении вообще означает согласие некоторого содержания с самим собой».²² В приведенном выше из «Теории доказательств в советском уголовном процессе» определении также упор делается на характеристике знания. Оценочный момент наиболее ярко проступает в работах авторов, которые пытаются кон-

кретизировать содержание истины исходя из специфики уголовно-правовой деятельности. В содержании истины в уголовном процессе они предлагают включить, кроме рассматриваемого, политическую и юридическую оценку.²³

Итак, получается, если знание точно соответствует действительности – оно истинно, если нет – ложно. Обращает на себя внимание тот факт, что в любом случае речь идет о знании, знании о чем-то. О чем? В этом вопросе как раз и содержится проекция цели, и когда цель реализована, мы получили знание, которое и можем оценивать с позиций его истинности. Но вряд ли будет смысл в такой оценке для того, кто осуществил акт познания, ведь соответствие им уже реализовано, без этого невозможно получение знания. В действительном акте познания выяснение соответствия – механизм получения достоверного знания,²⁴ реализуется он во время получения знания, а не после того, как оно получено. Достоверным оно будет тогда, когда приложимо к действительности, то есть найденное должно позволять успешно работать с действительностью, и каждый раз в тех же условиях давать один и тот же или близкий результат. Реализация приложимости – основа для дальнейшей познавательной деятельности. Такое понимание не фиксирует остановки в познании, переносит упор с субъективной ценности наших знаний на объективную.

Заданная сторонниками понимания истины как цели логика приводит нас к выводу о том, что истина не является целью деятельности, это понятие используется для оценки результатов деятельности. Косвенное подтверждение того, что истина не цель процесса, мы можем встретить и у тех, кто за сохранения этого понятия в процессе. Обозначая моменты, через которые истина становится конкретной, А.В. Гриненко в качестве одного из них указывает на цели. Он пишет: «в процессе познания истины необходимо четко представить себе предмет исследования, очерчивать его границы, выяснять цели, стоящие перед исследованием, определять задачи, которые необходимо разрешить в связи с возникшей необходимостью».²⁵

Выше говорилось о выяснении соответствия действительности не итогового знания, полученного в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела, а информации. Если согласиться с тем, что истина есть соответствие того вывода, к которому пришел суд, тому, что было в действительности²⁶, то выяснение этого соответствия на практике – совершение нового преступления. Если в иных областях знания мы можем выяснить соответствие итогового знания действительности, то в уголовном процессе проверить соответствие полученных знаний прошлой действительности мы не можем, напрямую они не могут быть соотнесены. В этом моменте отражается специфика уголовно-процессуального познания. Знание о преступлении – это воссоздание в нашем сознании, на основе логической отработки имеющейся информации, непротиворечивой картины прошлого. Соответствие с действительностью возможно выявить только если речь идет об имеющейся информации при соотнесении ее с информацией, снятой, о том же, с другого следа. Вопрос о достоверности решается именно в отношении информации, но информация еще не знание следователя, прокурора, судьи. Логическая обработка достоверной информации дает нам знание, которое мы можем принять за основу решения.

Из всего сказанного выше следует вывод: понятие истины в познавательном процессе является неопределенным и вряд ли может организовывать познавательную деятельность. В данном случае мы согласны с А.Л. Чанышевым, который писал, что «теория вероятности – единственно научная теория познания».²⁷ Но это совсем не означает, что при расследовании уголовного дела выводы делаются на основе вероятного знания, оставляющего сомнение, неуверенность. Критерием познавательной уверенности «являются: соответствие сообщения действительности, взаимное соответствие сведений друг о друге и их практическая проверка»,²⁸ которая осуществляется в рамках опытных действий. Фейербах подчеркивал необходимость постоянного взаимодействия мышления с опытом,

называя это взаимодействие «диалогом», в нем он видел существенное проявление «истинной диалектики».²⁹

Завершая этот фрагмент, стоит обратить внимание на то, какие выгоды несет отказ от понимания в качестве цели уголовного процесса истины. 1. Снимается спор о том, является ли истина целью или принципом уголовного процесса.³⁰ 2. Пропадает основа для разногласий о содержании истины, устанавливаемой в процессе: если в традиционном понимании истины, в ее содержание практически все авторы включали соответствие установленных обстоятельств действительности, то относительно квалификации и определения наказания подобного единодушия не наблюдается. Применительно к первому уже отмечалось, что проблематично говорить о точном соответствии наших знаний действительности, когда речь идет об установлении обстоятельств совершенного преступления. Ведь устанавливая их, мы ведем речь об основных сторонах, связях и отношениях, отказываясь от всей многозначности преступления как факта социальной действительности. Деятельность по квалификации преступления, на наш взгляд, вообще не входит в сущность уголовно-процессуальной деятельности, она начинается после того, как последняя уже закончена, это не суть познавательная, а оценочная деятельность применительно к тому, что уже установлено в рамках уголовного процесса. Наше время с особой наглядностью демонстрирует непостоянство многих оценок, изменяются экономические и социально-политические условия жизни общества, меняются и прежние оценки. То, что было ценным вчера и подлежало охране, перестает быть таковым, а то и признается вредным. Деяния не перестают существовать, но какая оценка является истинной, вчерашняя или сегодняшняя?

Теперь обратимся к анализу текста ст. 2 УПК РСФСР. Название нацеливает нас на то, что там, по крайней мере, речь должна идти о задачах всего уголовного судопроизводства, но текст не оправдывает наших ожиданий. Мы не находим в нем задач всего уголовного судопроизводства, как описания совокупной деятельности органов, его реализующих. В ней говорится о задачах различных органов, но эти органы не называются. Формулируя задачи различных органов, необходимо было излагать их последовательно, связывая с целями уголовно-процессуальной деятельности, чтобы у исполнителя возникало четкое представление, какой вклад вносит решаемая им задача в достижение общей цели процесса. Определенной системности в изложении задач не усматривается, вероятно, в силу того, что перед тем как излагать задачи, законодателю следовало посвятить свои усилия разработке целей уголовно-процессуальной деятельности. Здесь может последовать замечание, что законодатель как раз и реализует ту логику, за отсутствие которой его и упрекают. Если в качестве задач рассматривать быстрое и полное раскрытие преступлений, изобличение виновных, правильное применение закона, то решаются они для того, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и не один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Последнее и есть цели уголовно-процессуальной деятельности. Некоторые авторы именно так их и понимают: «ограждение от ответственности невиновного либо справедливое наказание виновного».³¹ Цель – ограждение от ответственности – такая формулировка неприемлема в силу того, что цель деятельности должна быть реализована всегда, т.к. в этом суть ее, а вот результат реализации может использоваться по-разному, в том числе, и для ограждения. Странно было бы требовать от органа при осуществлении деятельности ограждать невиновного от ответственности, т.к. до окончания деятельности утверждать виновность или невиновность не возьмется ни один профессионал. Справедливое наказание виновного также не может быть целью уголовного процесса, так как находится за его пределами, выбор конкретной меры осуществляется в рамках санкции статьи уголовного кодекса. Другое дело, что уголовный процесс должен дать для этого пригодный материал. Выше уже было показано, что то, о чем здесь идет речь – не совсем точно выраженное в словах

часть одного из назначений уголовного судопроизводства, а цель находится посредине между назначением и задачей деятельности.

Нет в ч.1 ст.2 УПК цели уголовно-процессуальной деятельности, полагаем, нет ее и во 2-ой, где говорится о том, что уголовное судопроизводство должно способствовать укреплению законности и правопорядка, предупреждению и искоренению преступности, охране интересов общества, прав и свобод граждан, воспитанию граждан в духе неуклонного соблюдения Конституции ..., уважения правил общежития.³² Хотя ряд авторов их именно там и находит,³³ выделяя, в частности, среди других целей, такие как оказание воспитательного воздействия на граждан, пресечение и предупреждение преступлений. Изложенное в ч. 2 – это пожелания. Пожелания и в силу того, что законодатель не требует их реализации, а предлагает только «способствовать» этому, а так цели не формулируются. Цель должна быть достигнута в рамках самой деятельности. Достижение ее косвенным образом может способствовать чему-то, но это уж зависит от того, как распорядится результатом деятельности. Рассмотрение этих «целей» по существу также свидетельствует о том, что они не являются целями уголовно-процессуальной деятельности. Об оказании воспитательного воздействия на обвиняемого в рамках процесса говорить не приходится, т.к. именно в нем устанавливается его вина, а воспитательное воздействие осуществляется за рамками процесса. Оказывает ли воспитательное воздействие процесс на других граждан? Каким способом это может осуществляться – демонстрацией высоких образцов профессиональной деятельности? Профессионализм может оказать воздействие, примерно такое же, как художественное произведение, в котором с блеском решаются нравственные проблемы, но может и не затронуть душу наблюдающих за деятельностью следователя и суда, как и иных, кто с равнодушием откладывает в сторону книгу, которая произвела глубокое впечатление на других. Если мы требуем от субъектов уголовно-процессуальной деятельности, в качестве цели, оказывать воспитательное воздействие на граждан, то оценка эффективности их деятельности будет зависеть и от того какого результата они здесь добились. Как в данном случае оценить этот результат? Цель – это не благое пожелание, она ставится для организации деятельности по ее достижению. Уголовно-процессуальная деятельность в плане воспитательного воздействия совершенно не организована и, исходя из ее специфики, не может быть организована. Можно говорить о некоторой театральности судебного разбирательства, в определенной мере она может оказать воспитательное воздействие в плане привития уважения к судебной власти, но может и не оказать, т.е. и здесь нет оснований говорить о такой цели. Теперь обратимся к вопросу о том, можно ли говорить о такой цели уголовно-процессуальной деятельности как пресечение преступлений. Если иметь в виду деятельность по возбуждению уголовного дела, то при ее совершении в отдельных случаях достигается подобный результат, но ведь возбуждение – это далеко не весь уголовный процесс, и в большинстве случаев в рамках этой деятельности реагируют на факт уже совершенного преступления. Пресечением должны заниматься и занимаются специально уполномоченные на это органы – органы дознания. В определенной мере уголовно-процессуальная деятельность способствует предупреждению преступлений, но вряд ли можно количественно выразить этот результат. Значит и о такой цели говорить проблематично, а то, о чем возможно (охрана прав и свобод граждан) – составная часть назначений уголовного судопроизводства.

Итак, содержание ч. 2 должно, прежде всего, достигаться в рамках реализации политических, экономических, социальных целей, ведь, по сути, они ими и являются, а уголовно-процессуальная деятельность в меру своих сил будет этому способствовать.

Недоверчивый читатель может вслед за нами проанализировать статьи как нового, так и старого УПК в поиске нормы, где говорилось бы о целях уголовно-процессуальной деятельности, он ее не найдет. Выполняя труд законодателя, можно предложить следующее понимание целей: «Целями уголовного судопроизводства является

выявление преступления, лица, его совершившего, виновности этого лица, и создание условий для последующего формирования ответственности правонарушителя». Пригодны ли подобным образом сформулированные цели для реализации в деятельности? Нет. Они слишком общи и неконкретны. За каждой из них стоит вопрос. Например, что необходимо установить, чтобы выявить преступление? Для того, чтобы ответить на вопрос необходимо наполнить содержанием каждую из них. Поиск этого содержания привел нас к статье 73 УПК РФ, где говорится об обстоятельствах, подлежащих доказыванию. Нельзя согласиться с теми авторами, которые считают, что в этой статье речь идет о предмете доказывания. То, что подлежит доказыванию, по крайней мере, является целью доказывания, а так как доказывание – стержень уголовно-процессуальной деятельности, то и целью уголовного процесса. Редакция этой статьи более совершенна, чем редакция ей соответствовавшей в УПК РСФСР статьи 68. Законодатель в тексте статьи снял, в определенной мере, упреки в обвинительном уклоне, основания для которых давала ст. 68: в число обстоятельств, подлежащих доказыванию, включены обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния и обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Упреки были бы сняты полностью, если бы в первом случае вместо отсылки к главе 8 УК РФ, где приводятся обстоятельства, исключающие преступность деяния (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, физическое или психическое принуждение, обоснованный риск, исполнение приказа или распоряжения) было указано, что подлежат доказыванию обстоятельства, свидетельствующие об отсутствии преступного деяния, т.к. приведенные в этой главе статьи – частные случаи его отсутствия. В ходе же расследования и судебного разбирательства необходимо доказать как наличие преступного деяния, так и его отсутствие - если не удалось первое, и только при невозможности установления как того, так и другого, дело подлежит прекращению за недоказанностью. Отсылка законодателя к главе 11 УК РФ, где говорится об обстоятельствах, освобождающих от уголовной ответственности (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, изменение обстановки, истечение срока давности), также не может быть признана в полной мере удовлетворительной для снятия обвинительного уклона, т.к. эти обстоятельства учитываются при принятии решения уже при доказанной виновности. Мы же исходим из того, что необходимо доказывать как виновность лица в совершении преступления, так и его невиновность,³⁴ и только при исчерпании возможностей доказывания того или другого дело становится возможным прекратить за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления. Что же касается обстоятельств, освобождающих от наказания (гл. 12 УК РФ), то включение их в перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел, вряд ли вообще можно счесть оправданным, т.к. эти обстоятельства следует учитывать за рамками вынесенного приговора, в процессе исполнения наказания.

Обстоятельства, подлежащие доказыванию, изначально закреплялись законодателем в ст. 68 УПК РСФСР для обеспечения нужд уголовно-правовой квалификации. Не требует особого обоснования тот факт, что они – изложение процессуальным языком уголовно-правовой конструкции состава преступления. Содержатся эти обстоятельства и в ст. 73 УПК РФ. В п. 1 ч. 1 без редакционных поправок воспроизводится п. 1 ч. 1 ст. 68 УПК РСФСР, хотя об их необходимости давно уже говорилось. Событие преступления - это не время, место, способ и другие обстоятельства, оно происходит в определенное время, в определенном месте, определенным способом. Неправильно раскрывать после события преступления скобки и перечислять выше указанное в них, событие преступления должно отделяться запятой. Да и писать следовало не о событии преступления, а о событии или деянии, т.к. о том, что оно преступно, мы можем сказать после завершения уголовно-процессуальной деятельности в рамках окончательной уголовно-правовой квалификации.

П. 2 изложен в более удовлетворительной редакции, чем соответствующий ему пункт ст. 68. Но дальше повторяется ошибка, допущенная законодателем в ст. 68 при определении последовательности изложения содержания пунктов. Речь идет об определении места обстоятельств, связанных с необходимостью установления последствий совершенного. Сейчас они закреплены в п. 4. Хотя более правильно было бы включить последствия в содержании п.1 вместо иных обстоятельств, т.к. все иные обстоятельства – это именно последствия. Хотелось бы подчеркнуть, что речь должна идти именно о последствиях совершенного, а не о характере и размере ущерба (п. 4 ст. 68 УПК РСФСР) или вреда (п. 4 ст. 73 УПК РФ). Не каждое преступление причиняет ущерб или вред, есть и формальные составы, но независимо от того, какой состав выполнен, последствия являются непрямым результатом реализации преступного умысла. Обстоятельства, способствующие совершению преступления, их установление, значимо для более глубокого проникновения и понимания субъективной стороны. Следует напомнить, что только установление всех указанных выше обстоятельств в их взаимосвязи позволяет более глубоко и полно понять содержание каждого.

Установление выделенных обстоятельств – пригодный материал для реализации задачи квалификации, в ходе которой определяется преступность деяния. Сам по себе факт установления преступности деяния является основанием к защите и восстановлению материальных прав потерпевшего и точкой отсчета, с которой должно говорить о необходимости соблюдения уголовных прав осужденного. Но так как констатация преступности деяния – применение общего масштаба к конкретно совершенному преступлению, необходима дальнейшая работа по конкретизации степени общественной опасности совершенного деяния, что сделает более предметными и определенными права и потерпевшего и обвиняемого. Работа по конкретизации осуществляется в рамках установления обстоятельств, приведенных в ст. 61 и 63 Уголовного кодекса Российской Федерации. Установление обстоятельств, свидетельствующих о совершении преступления – это реализация одного из назначений уголовного судопроизводства – служить средством реагирования на каждый факт совершения преступления, что в конечном итоге способствует защите граждан, общества, государства от преступных проявлений. Добавление к ним обстоятельств, указанных в ст. 61 и 63 УК РФ, достаточный материал для защиты законных интересов и материальных прав потерпевшего. В этом реализуется еще одно из назначений уголовного судопроизводства, которое обозначено нами в п. 1 ч.1 проекта ст. 6 УПК РФ. Реализуется оно и в отношении обвиняемого, но интересы последнего выходят за пределы правильной квалификации. Обвиняемый – субъект уголовно-процессуальных отношений, которому предстоит за совершенное преступление подвергнуться по приговору суда мерам воздействия. Следовательно, его права и законные интересы их защита во многом определяются и тем, какие цели должны стоять перед правоприменителем при решении вопроса о выборе наказания.

До сих пор, выясняя цели уголовно-процессуальной деятельности, мы работали в ситуации, когда между социальным назначением процесса и им самим не было промежуточного звена, т.е. поняв назначение процесса, обращаясь с понятием к анализу уголовно-процессуального закона, мы находили в нем цели, соответствующие назначению. Ситуация меняется при решении задачи, связанной с определением целей, которым должен соответствовать уголовный процесс при представлении материала, необходимого для определения наказания. Внимательный анализ уголовно-процессуального закона не дает четкого ответа. Обстоятельства ст. 61 и 63 УК РФ влияют на определение степени общественной опасности совершенного деяния, но наказывают не деяние, а лицо, его совершившее. О том, что установление этих обстоятельств подчинено иной цели, свидетельствует и сам законодатель. Если в ст. 68 УПК РСФСР он в одном пункте писал об обстоятельствах, смягчающих и отягчающих наказание и обстоятельствах, характеризующих

личность обвиняемого, то в ст. 73 УПК РФ последние обстоятельства выделены отдельно. Если бы законодатель в этом пункте описал, какие обстоятельства он считает необходимым установить, анализ их позволил бы выявить определенное назначение, и указанная задача была бы, возможно, решена. Но этих обстоятельств в законе нет, как нет нигде и определения того, что такое личность. Выход из создавшегося положения видится в следующем: исходя из служебного, в определенной мере, положения уголовного процесса в системе криминалистических отраслей права, необходимо установить, каким социальным ожиданиям должен соответствовать результат деятельности в рамках этих отраслей, чему, какому назначению, должно служить наказание. Если это удастся, и мы поймем, какое место занимает в правоприменительной деятельности понятие «личности», станет возможным сформулировать обстоятельства, установление которых будет значимо при определении наказания, реализация которых позволит соблюсти в полной мере материальные права и законные интересы обвиняемого. В силу того, что подобная работа предполагает привлечение и анализ объемного материала из других областей знаний, полагаем необходимым материал ее изложить отдельно. А пока вернемся к описанию целей, содержание которых можно вывести из сопоставления назначений с текстом уголовно-процессуального закона.

Выше были описаны цели уголовно-процессуальной деятельности, которые выявлены при проецировании назначений уголовного судопроизводства на содержание ст. 73 УПК РФ, но одно из назначений – защита граждан от произвола органов государства при осуществлении ими уголовно-процессуальной деятельности - не находит себе адекватного отражения в содержании этой статьи. И в иных местах закона мы не находим статей, где были бы сформулированы цели, реализация которых может удовлетворить этому назначению. Если разобранные выше цели выводят результат уголовно-процессуальной деятельности за пределы уголовного процесса, дают материал для реализации норм других отраслей, то цели рассматриваемого назначения, при их выполнении, дают возможность использовать результат реализации первых именно в этом плане. При нарушении в ходе установления обстоятельств ст. 73 УПК РФ, процессуальных прав и интересов подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, ответчика, защитника и представителей возникают неустранимые сомнения по поводу достоверности полученного материала. Сомнения возникают именно в силу того, что только соблюдение процессуальных прав указанных участников оформляет деятельность органов уголовного судопроизводства, делает ее допустимой. Иначе говоря – результат деятельности может быть принят только в том случае, если при ее выполнении соблюдались права и законные интересы участников деятельности. Только единство формы и содержания могут дать искомый результат.

Отзвук такого понимания цели соблюдения процессуальных прав и интересов основных участников уголовно-процессуальной деятельности мы находим в ст. 16 УПК РФ, где говорится о необходимости обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. То, что статья с таким названием помещена в главу 2 «Принципы уголовного судопроизводства», говорит о нечеткости разграничения законодателем по содержанию целей и принципов процесса. Обеспечение права на защиту – это цель органов уголовного судопроизводства, которая должна быть достигнута ими при реализации определенных требований-принципов. Для достижения этой цели мало разъяснить подозреваемому и обвиняемому их права, мало предоставить им возможность защищаться всеми не запрещенными способами и средствами, в том числе и с помощью защитника. Мало, так как в этих случаях обеспечение будет зависеть не от деятельности органов государства, а от активности подозреваемого и обвиняемого, их защитника в использовании предоставленных прав. Получается, если активно их используют, цель реализуется, пассивно – нет. Но реализация цели не может зависеть от воли участника процесса, т.к. не ею они определяются.

Они формулируются законодателем для органов государства, которые осуществляют уголовный процесс, к их деятельности и предъявляются требования, реализация которых гарантирует достижение целей. В анализируемом случае интересы подозреваемого, обвиняемого будут реализованы тогда, когда органы государства активно и самостоятельно будут выяснять обстоятельства, свидетельствующие о невинности или меньшей виновности обвиняемого. Только в этом случае защита будет реальна, а не эфемерна. В этом суть требования, реализация которого гарантирует достижение цели обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Как назвать этот принцип – дело второе. Можно – принцип активности органов государства при установлении обстоятельств, свидетельствующих в пользу обвиняемого. В нашем случае не это главное. Разобранное дает возможность сказать, что та цель, о которой мы здесь ведем речь, в определенной мере отражена законодателем, но ни как цель и не в том месте, где нужно. По содержанию предлагаемая нами цель шире, чем отраженная в названии ст. 16 УПК РФ. Шире по числу участников, права и законные интересы которых органы государства должны соблюдать. Следовательно, шире и в содержательном плане, т.к. органы государства должны быть активными и при установлении обстоятельств, свидетельствующих в пользу интересов потерпевшего, гражданского истца, ответчика. Внимание заостряется на этих участниках уголовного процесса в силу той причины, что именно их права и законные интересы связаны с установлением обстоятельств ст. 73 и для их установления должны соблюдаться. Работа органов государства, подчиненная реализации законных интересов указанных участников процесса, должна производиться при строгом соблюдении их прав. И если реализация интересов лежит в плоскости установления обстоятельств ст. 73, то соблюдение прав – самостоятельное содержание рассматриваемой цели. Выявив содержание еще одной цели уголовно-процессуальной деятельности, мы показали взаимосвязь ее с содержательными целями и самостоятельное значение. Перед тем, как предложить проект статьи, говорящей о целях уголовно-процессуальной деятельности, считаем необходимым сделать следующее замечание: в число тех, чьи интересы должны защищаться органами государства, мы не включили участвующих в процессе, т.к. у них, по мнению законодателя, должен отсутствовать свой интерес в деле, о необходимости защиты и реализации их прав мы помним, но не включаем в цель процесса в силу огромного различия в последствиях, которые наступают при нарушении прав участников процесса и участвующих. Если нарушение прав первых ведет к недействительности принятого решения, то нарушение прав вторых – к недопустимости доказательства, что не всегда может обусловить недействительность принятого решения.

Предлагаемый проект редакции ст. 6¹ УПК РФ **Цели уголовно-процессуальной деятельности:**

1. В ходе осуществления деятельности по расследованию и рассмотрению уголовных дел органами государства должны быть установлены следующие обстоятельства:

1) наличие или отсутствие события, преступный характер которого предполагается, время, место, способ и последствия его совершения;

2) виновность или невинность лица его совершившего, форма вины и мотивы;

3) обстоятельства, способствовавшие совершению деяния;

4) обстоятельства, влияющие на определение степени общественной опасности деяния, указанные в статьях 61 и 63 Уголовного кодекса Российской Федерации;

5) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого.

2. Результат деятельности по установлению указанных обстоятельств может быть принят в том случае, если в ходе ее органы государства соблюдали права участников процесса.

Предложенная редакция целей служит способом перевода социального назначения уголовного судопроизводства в плоскость реальной деятельности. Она, как нам пред-

ставляется, в целом удовлетворительна, за исключением одного момента: нами, так же, как и законодателем, пока не расшифровано содержание пункта 6.

СНОСКИ:

1. Правильность именно такого понимания назначения уголовного судопроизводства обосновывалось нами в докладе, который был сделан в рамках межрегиональной конференции: «Уголовная юстиция: состояние и пути развития». Конференция проходила в г. Тюмени с 28 по 29 ноября 2002 г. на базе Института государства и права Тюменского государственного университета.

2. См.: Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С. 29; Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж. 1978. С.57 и др.

3. См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть//Под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. - М., 1989. С.205; Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. С. 52 и др.

4. Краткий психологический словарь/Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985. С. 388.

5. Гегель Г.В. Соч. В 15 т. Т.1. с.248.

6. Философский словарь. М., 1980. С.407; Ожегов С.И. Словарь русского языка/Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1990. С.870.

7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1983. С.870; Ожегов С.И. Словарь русского языка/Под ред. Н.Ю. Шведовой, М., 1990. С. 206.

8. Побегайло Г.Д. Судебные прения в советском уголовном процессе. М., 1982. С.7-8.

9. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. С.46; Володина Л.М. Механизм защиты прав личности в уголовном процессе. С. 48.

10. Гегель Г. Философия права. М. 1990, С.75.

11. Цит. По кн.:Кандыба Д.В. Психологический гипноз наяву. Теория и техника. Ростов н/Д. 1996. С.67.

12. Как правильно было замечено И. Л. Петрухиным «...оценка должна производиться по специфическим целям системы. Наиболее распространенная ошибка состоит в том, что в качестве критериев оценки берутся системы более высокого «ранга», на достижение которых влияют вместе с данной и другие подсистемы, при этом «вклад» каждой из них не дифференцируется». (Петрухин И.Л. Системный подход к изучению эффективности правосудия//Советское государство и право, 1976, №1. С.71.)

13. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С.40; Курылев С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969. С.24-38.; Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Изд. второе, дополненное. Казань. 1976. С. 16-25; Строгович М.С., Алексеева Л.Б., Ларин А.М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 226; Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д. Очерк развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. С.46; Зинкович В.В. Понятие защиты в советском уголовном процессе//Актуальные проблемы советского уголовного процесса. Свердловск, 1987. С.642; Басков В.И. Истина в уголовном судопроизводстве//Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 11. Право. 1995, №3. С.38 и др. Однако, следует заметить, что как раньше, так и теперь были и есть авторы, ставящие под сомнение правильность выдвижения в качестве цели истины. (См., например, Тадевосян В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском уголовном процессе//Советское государство и право. 1948. № 6. С. 66; Голунский С.А. Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР. М.,

1959. С. 122.) Но предлагаемое взамен вряд ли может удовлетворить нужды правоприменительной деятельности. Так Е.Б. Мизулина предлагает в качестве специфической цели - недостижение неистины. (Мизулина Е.Б. О модели уголовного процесса // Правоведение, 1989, №5. С.50), а В.В. Никитаев, отказываясь говорить об объективной истине, вместо нее предлагает рассматривать процессуальную. (Никитаев В.В. Проблемные ситуации уголовного процесса и юридическое мышление. Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. М., 1996.)

14. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. Л., 1976. С.33.

15. Строгович М.С. Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1955. С.19.

16. Не обращалось внимание даже на такие пассажи, как это высказывание: «истина существует независимо от того, доказана она или нет». (Копнин П.В. Формы мышления и их роль в познании // Дисс. д-ра филос. наук. М., 1955. С.38.) Получается, что истина, что действительность – одно и то же. Истина объективизируется, хотя не перестает быть связанной с человеческими знаниями. Если согласиться с этим, то природа не только существует по определенным закономерностям, но сама же их и обнаруживает. Но все не так. Закономерности обнаруживает не она, а тот, кто ее изучает. Значит, истина не может существовать вне человека и если истина относится к характеристике знаний, – она должна быть доказана. Такое понимание характера истины понемногу находит свое место в уголовно-процессуальной литературе. У А.В. Гриненко находим: *«Истина сама по себе, являясь продуктом умственной деятельности, не может быть объективной, как не может быть объективным любое отражение предмета взамен самого предмета.»* (Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу // Правоведение. 2000. № 6. с.185.)

17. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С.45.

18. Монтень М. Опыты. В 3-х книгах. Кн. 2. М., 1991. С.357-358.

19. «Даже самые малые предметы имеют бесчисленное множество отношений. Ограниченный человеческий ум их не может понять, так как охотно полагает, будто отношения, которых он не замечает, вовсе не существуют.» (Таранов П.С.. Мудрость трех тысячелетий. М., 1997. С.641.)

20. Большаков Н.В., Грехнев В.С., Добрынина В.И. Основы философских знаний. М., 1995. С. 175.

21. История философии в кратком изложении. М., 1991. С. 382.

22. Цит. по кн.: Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия второй половины 18 – начала 19 века. М., 1989. С.204.

23. См.: Ривлин А.М. Понятие материальной истины в советском уголовном процессе. М., 1951. С.47; Пашкевич П.Ф. Объективная истина в уголовном судопроизводстве. М., 1961. С.18.

24. О достоверности как результате доказывания см.: Филимонов Б.А. Основы теории доказательств в германском уголовном процессе. М., 1994. С. 36-37, 76.

25. Гриненко А.В. Система принципов и цель производства по уголовному делу. С. 187.

26. Строгович М.С. Избранные труды. В 3-х т. Т. 3. Теория судебных доказательств. М., 1991. С.17.

27. Чанышев А.Н. Курс лекций по древней и средневековой философии. М., 1991. С.167.

28. Лингард И. Процесс и структура человеческого учения. М., 1970. С.510.

29. Фейербах Л. Избранные философские произведения. 2 Т. М., 1955.

30. В качестве принципа истину рассматривали Т.Н.Добровольская, В.П.Нажимов и др. авторы. См.: Добровольская Т.Н. Принципы советского уголовного процесса. М., 1971. С. 21-34; Нажимов В.П. Развитие системы демократических принципов советского уголовного процесса в свете новой Конституции СССР//Развитие науки и практики уголовного судопроизводства в свете требований Конституции СССР. М., 1978. С. 32-34.

31. Мизулина Е.Б. О модели уголовного процесса//Правоведение. 1989. №5. С.51-52; она же: Уголовный процесс: концепция самоограничения. Тарту, 1991. С.46; Федоров В.Н. О судебной реформе в России//Государство и право, 1992, №6. С.8.

32. Приводя содержание ч.2 ст. 2, мы опустили ряд слов, привязывающих это содержание к советской эпохе. Оставшееся значимо и для нашего времени. Стоит также заметить, что в литературе уже обращалось внимание на неудовлетворительность редакции ч.2 ст.2 УПК РСФСР (Кобликов А. К разработке нового уголовно-процессуального законодательства//Социалистическая законность, 1989, №2. С.4.)

33. См., например, Строгович М.С., Алексеева Л.Б., Ларин А.М. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности. М., 1979. С. 226-229.

34. Совершенно справедливо в п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29. 04. 1996г. «О судебном приговоре» было указано, что невиновность лица в совершении преступления тоже должна быть доказана. Акцент, который был сделан Верховным Судом, свидетельствует о том, что на практике далеко не всегда считают необходимым доказывать это обстоятельство. Для того, чтобы такая необходимость была осознана, данное обстоятельство должно найти место в законе. Это необходимо и в силу того, что, формулируя его, Верховный Суд вышел за пределы своей компетенции. По сути, в п. 17 речь идет о новой редакции нормы.